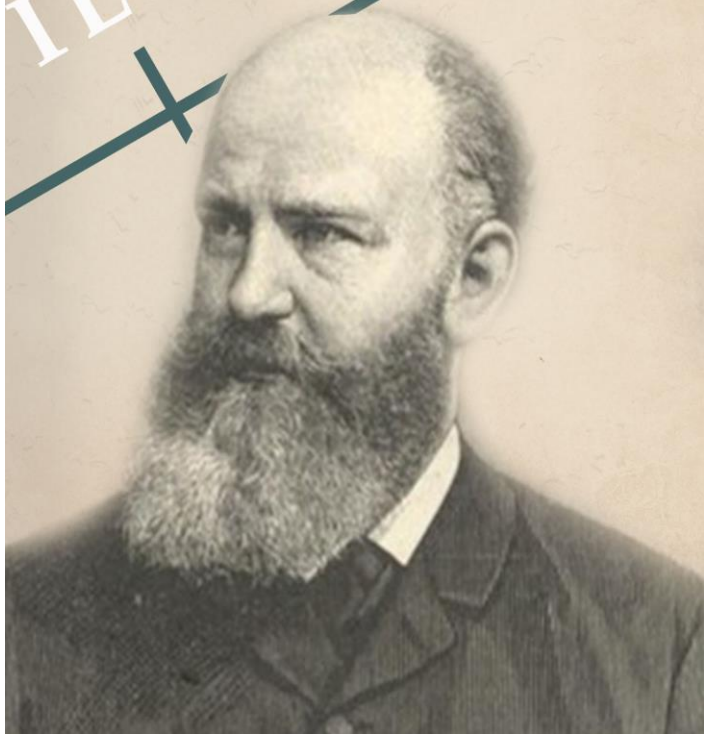

ВЕСЬ ТЕОРГ ЭБЕРС

Немецкий писатель и ученый-египтолог с мировым именем, Георг Эберс не пытался в своих исторических романах осовременить прошлое. По мельчайшим штрихам, дошедшим из глубины веков, восстанавливает он картину Древнего Египта, описывая роскошь фараонов, религиозный фанатизм жрецов, мудрые пророчества колдуний и шумную разноголосицу жизни воинов, ремесленников и рабов. Этот бурный исторический период писатель воссоздал в цикле романов, посвященных Древнему Египту, начало которому положила книга **ДОЧЬ ФАРАОНА**. Древнеегипетский цикл продолжили романы "Уарда", "Сестры" и "Клеопатра", по которому был снят известный фильм с Элизабет Тейлор в главной роли. И во всех произведениях Эберса наряду с жестокостью и пренебрежением к человеческой жизни много места уделяется светлым чувствам - любви, дружбе, преданности.

Весь Георг Эберс

Сестры

I

В городе мертвых Мемфиса гордо возвышается великолепный четырехугольный храм Сераписа¹. К нему примыкают небольшие святилища Асклепия², Анубиса³ и Астарты⁴.

¹ Серапис — один из богов эллинистического мира. Культ Сераписа как бога столицы Египта Александрии введен Птолемеем I Сотером (правившим в 305–283 гг. до н. э.). В образе и имени Сераписа были объединены популярные египетские боги Осирис и Апис; он являлся богом плодородия, считался богом мертвых.

² Асклепий — греческий бог врачевания, сын Аполлона и Корониды — Изображался в виде бородатого, одетого в длинный плащ мужчины с посоховокруг которого обвивалась змея (отсюда изображение змеи в современной медицинской символике). Узнав, что Асклепий попытался оживлять умерших. Зевс умертвил его молнией.

³ Анубис (егип. Инупу) — в египетской мифологии бог, покровитель умерших. Почитался в образе летающего шакала черного цвета или дикой собаки (или в виде человека с головой шакала или собаки).

⁴ Астарта — в западносемитской мифологии олицетворение планеты Венера, богиня любви и плодородия,

Вокруг храма теснятся длинные низкие домишки из необожженного кирпича, словно толпа убогих нищих, окруживших облаченного в пурпур царя.

Чем ярче горят и сверкают на утреннем солнце желтые песчаниковые стены храма, гладкие, как зеркало, тем непригляднее кажутся серые соседние строения. Каждый порыв ветра срывает с них тучи пыли, точно с высохшей дороги. Эти убогие постройки не оштукатурены даже внутри. Стены их сложены из нильского кирпича, смешанного с резаной соломой, концы которой торчат, как щетина, и еще более подчеркивают их убожество.

Прежде эти жалкие жилища отделялись от храма Сераписадлинной крытой колоннадой, для того чтобы глаза набожного посетителя не смущала их неприкрытая бедность, но теперь часть колоннады обрушилась, и через брешь молчаливо выглядывают ветхие строения с открытыми окнами и дверями, или, вернее, пробитыми в стене отверстиями.

От колоннады пролегает узкая пыльная тропинка мимо развалов камней и поваленных колонн, предназначенных теперь для нового здания. Здесь же возле плит лежат лом и кирка. Тропинка ведет к серому дому и оканчивается у запертой

деревянной двери. Дверь грубо сколочена из досок и едва держится на крючках. Между дверью и порогом широкая щель, в которую в настоящий момент пролезает красивая серая кошка.

Встав на ноги, грациозное животное начинает охорашиваться, лижет свой блестящий мех, лениво потягивается, поглядывая горящими зелеными глазами на дом, который оно только что покинуло и из-за которого медленно поднимается солнце. Слепленная ярким светом, кошка повернулась и осторожными неслышными шагами направилась в преддверие храма.

Жилище, из которого только что вышла кошка, мало и обставлено очень скудно. Свет проникает в него только через дырявую крышу и щели в двери. Сквозь этот полумрак видна вся жалкая обстановка.

У серых грубых стен стоит только один деревянный ящик, а возле него поставлены прямо на земляной пол две глиняные чаши, глиняный сосуд для воды и деревянный кубок. Среди этих простых вещей резко выделяется изящно отделанная золотая кружка. У задней стены лежат две плетеные циновки, посланные на овечьих шкурах. Это постели двух обитательниц этого жилища. Одна из них сидит теперь на маленькой скамейке из пальмового дерева и, зевая, расчесывает свои блестящие каштановые волосы.

Впрочем, эта работа идет у нее не слишком удачно.

Длинные и густые пряди волос не слушаются гребня, и каждый раз, проводя гребнем, девушка закрывает глаза и своими блестящими зубками крепко закусывает алую нижнюю губку как бы от сильной боли. Но проходит несколько минут, и гребень нетерпеливо отброшен на постель.

Вот послышалось шлепанье босых ступней за дверь. Девушка открыла большие карие глаза, удивленно смотрящие на божий мир, на губах показалась улыбка, и все ее существо в один миг так мило изменилось, точно бабочка, вдруг вылетевшая на солнце, переливалась своими яркими красками.

Чья-то рука сильно и поспешно ударила в дверь, и в щель над порогом просунулась доска, на которой лежал круглый тонкий хлебец и стояла глиняная чашечка с золотистым оливковым маслом. Девушка притянула доску, взяла масло и хлебец и вскрикнула с жалобным упреком:

— Так мало! Разве это для нас обеих?

При этих словах ее веселые черты быстро приняли другое выражение и глаза так безутешно смотрели на дверь, точно там навсегда померк свет солнца. Действительно, хлебец был так мал, что его едва хватило бы ребенку, а между тем две взрослые девушки должны были им удовольствоваться.

Слова упрека нашли отклик за дверь, и

старуха, принеся хлеб, дружелюбно ответила:

— Сегодня больше нет, Ирена!

— Но это бессовестно! — возразила девушка со слезами на глазах. — С каждым днем хлебец все уменьшается, и даже будь мы воробьями, едва ли наелись бы досыта! Ты знаешь, что нам присылают, и мы не перестанем жаловаться. Серапион напишет нам новое прошение, и если царь узнает, как постыдно с нами поступают...

— Да, если узнает, — прервала ее старуха. — Но раньше, чем слово бедняка дойдет до слуха царя, ветер развеет его по воздуху. Я бы нашла более короткий путь для тебя и твоей сестры, если вам не нравится голодать. Кто так хорош собой, как она и ты, моя красавица, тот не должен бедствовать!

— А разве я хороша? — спросила девушка, и словно солнечный луч скользнул по ее прекрасному личику.

— Настолько хороша, — ответила со смехом старуха, — что можешь показываться рядом с твоей сестрой, а вчера во время шествия знатный римлянин столько же смотрел на твою сестру, как и на саму Клеопатру. А если бы ты там была, то он и не посмотрел бы вовсе на царицу. Да ты сама знаешь, как ты хороша. Такие слова лучше хлеба, у тебя есть зеркало, смотришь в него, когда захочется есть!

Шлепанье ступней старухи затихло. Девушка схватила золотую кружку, приоткрыла дверь, чтобы пропустить побольше света, и посмотрелась в блестящую поверхность драгоценного кубка, но его выпуклая поверхность исказила ее черты, и девушка весело дунула на свое карикатурное изображение, так что оно затуманилось. Смеясь, поставила она кружку на землю, подошла к сундуку, вынула маленькое металлическое зеркальце и внимательно стала рассматривать себя, несколько раз меняя прическу. Она хотела уже положить зеркало на место, но вдруг вспомнила о фиалках, которые заметила еще при пробуждении. Очевидно, ее сестра положила их вчера в чашку с водой. Не задумываясь, она вынула фиалки, вытерла мокрые стебли и перед зеркальцем воткнула их себе в волосы.

Как ярко блестели теперь ее глазки, и как радостно принялась она уплетать хлеб!

Какие блестящие картины проходили перед ее юными глазами, пока она ела хлеб, быстро отламывая по кусочку и обмакивая в масло. Как-то раз, в день Нового года, она заглянула в палатку царя и увидела там нарядных мужчин и женщин, возлежавших на пурпурных подушках. И с тех пор она мечтала о накрытом драгоценной посудой столе, представляя себе, как увенчанные венками мальчики будут ей прислуживать, слышала песни,

игру на флейте и арфе и... настолько еще она была ребенок, и притом голодный, что, рисуя себе длинную череду вкусных блюд, незаметно съела хлеб и все масло.

Когда рука ее, коснувшись доски, не нашла больше хлеба, она разом пришла в себя и с ужасом смотрела на пустую чашку и на место, где раньше лежал хлебец.

Она глубоко вздохнула, перевернула доску, как будто надеялась найти хлеб и масло на другой стороне, смущенно покачала головой и задумалась. Через несколько мгновений открылась дверь, и на пороге показалась стройная женская фигура ее сестры Клеа, чей скудный обед Ирена только что съела. Целую ночь Клеа шила для своей сестры и только перед восходом солнца вышла к ключу, чтобы принести воды для утреннего возлияния на алтарь Сераписа.

Вошедшая молчаливо, но ласково кивнула головой. Она казалась очень утомленной и, сев на крышку сундука, вытерла влажный лоб спускавшимся с головы покрывалом. Ирена смотрела на пустую доску и размышляла, сознаться ли прямо в своей вине перед сестрой и попросить прощения или, что ей зачастую удавалось, шуткой отклонить заслуженный упрек. Она остановилась на последнем. Быстро, но не совсем уверенно подошла она к сестре и сказала с комической серьезностью:

— Посмотри, Клеа, неужели ты ничего не замечаешь? Я теперь похожа на крокодила, который слопал целого гиппопотама, или на священную змею, проглотившую кролика. Подумай, когда я ела свой хлеб, нечаянно попал мне в зубы твой кусок, и только что хотела я...

Клеа бросила взгляд на пустую доску и прервала свою сестру тихим восклицанием:

— Я так голодна!

В этих словах не было упрека, но слышалось глубокое изнурение, и, когда юная преступница взглянула на сестру и увидела, как та молча сидит, бледная, сжавшаяся, она почувствовала разом и сострадание, и печаль. С громким плачем упала она перед сестрой, обхватила ее колени и прерывающимся от рыданий голосом заговорила:

— Ах, Клеа, бедная Клеа, что я опять наделала! Я ведь не хотела тебя огорчать. Я сама не знаю, как это случилось. Отчего это происходит, что, когда я что-нибудь сделаю, я тогда только знаю, хорошо это или дурно, когда уже все кончено. Из-за меня ты не спала ночь, обо мне же заботилась, и я, скверная девчонка, так тебе отплатила! Но ты не должна голодать, нет, ты не должна, нет!

— Успокойся, только успокойся, — ласково проговорила Клеа и, глядя кудрявую головку сестры, заметила фиалки.

Губы ее вздрогнули, усталый взор оживился, обратившись на пустую чашечку, куда вчера она старательно вложила цветы.

Ирена заметила перемену в лице сестры и, приписывая ее себе, весело спросила:

— Идет мне это?

Клеа уже протянула руку, чтобы вынуть цветы, но удержалась и только сазала г, удивившим девушку своим выражением:

— Цветы мои, но можешь оставить их до тех пор, пока они не завянут, потом возврати их мне.

— Это твои цветы? — повторила Ирена и подняла большие удивленные глаза на сстру. Ведь до сих пор все, что принадлежало сестре, принадлежало и ей. — Я всегда брала цветы, которые ты приносила. Что в этих особенного?

— Такие же фиалки, как и все, — отвечала Клеа, густо покраснев, — но их носила царица.

— Царица! — вскрикнула девочка и, вскочив с колен, захлопала в ладоши. — Она тебе дала цветы? И ты мне это только сейчас рассказала? Вчера, вернувшись с шествия, ты только спросила о моей ноге, о моем платье и ни одного словечка больше. Ты получила букет от самой Клеопатры?

— Нет, как можно? — возразила Клеа. — Один из ее спутников бросил его мне, но довольно! Пожалуйста, передай мне сосуд с водой! У меня во рту пересохло, и я едва могу говорить от жажды.

При этих словах яркая краска снова разлилась по ее лицу, но Ирена, не замечая ничего в своем желании загладить недавнюю вину, поспешно подала кувшин, и, пока Клеа пила, Ирена показала ей свою маленькую ножку:

— Посмотри, шрам совсем зажил, и опять можно надевать сандалии. Вот я их завяжу и пойду попрошу у Серапиона хлеба Для тебя, а может быть, он даст и пару фиников. Ослабь, пожалуйста, немножко ремень на щиколотке, мне больно. Смотри, как твердо теперь я ступаю. В полдень я пойду с тобой и наполню кружки для жертвенника, а потом я буду сопровождать тебя в шествии, которое уже вчера назначено. Будут ли опять царица и знатные туземцы смотреть на процессию? Вот бы было великолепно! Теперь мне пора, и, прежде чем ты допьешь свой кубок, у тебя будет хлеб. Я умею подластиться к старику, когда нужно.

Когда Ирена широко открыла дверь и ее ярко осветило солнце, сестре показалось, будто чарующая прелесть девушки слилась с солнечным светом.

Проводив глазами букет фиалок, Клеа тихо опустила голову и прошептала:

— Я все отдаю ей, и она берет все, что у меня есть. Три раза встречала я римлянина, вчера он подарил мне эти фиалки, я хотела их сохранить, и теперь...

Она крепко сжала кубок в руке, губы ее горько дрогнули, но через мгновение она выпрямилась и твердо сказала:

— Так должно быть!

Девушка медленно провела рукою по лбу, точно у нее болела голова, и задумалась, мечтательно глядя перед собой, но скоро голова ее склонилась, и она задремала.

II

Кирпичное строение, в котором находились комнаты сестер и других служащих при храме, называлось пастофориумом. Кроме постоянных храмовых обитателей, в нем всегда проживало много пилигримов. Они собирались сюда на поклонение со всех концов Египта и охотно ночевали в святилище богов.

Ирена быстро проходила мимо открытых с восходом солнца дверей, поспешно отвечала на поклоны знакомых и незнакомых, дружески смотревших на нее, и скоро достигла пристройки, примыкавшей к северной стороне пастофориума. В этом здании не было дверей, но на высоте человеческого роста имелись шесть открытых оконных отверстий, выходивших на дорогу.

Из первого отверстия выглянуло бледное, покрытое глубокими морщинами лицо старика.

Девушка весело крикнула ему приветствие эллинов:

— Радуйся!

Но он, не раскрывая рта, движением исхудалой руки и неподвижным взглядом строго и многозначительно приказал ей остановиться, потом протянул ей деревянную доску, на которой лежало несколько фиников и полхлеба.

— На жертвенник богов? — спросила она. Старик утвердительно кивнул, и Ирена уверенно пошла дальше со своей легкой ношей. Но уже через несколько минут она снова замедлила шаги; слышались громкие голоса, и скоро на противоположном конце пастофориума, к которому примыкала священная роща акаций Сераписа и куда она сама направлялась, показалось несколько мужчин. С любопытством приглядываясь к ним, она не решилась, однако, идти путникам навстречу и, тесно прижавшись к стене, прислушивалась к их разговору.

Впереди этих ранних посетителей шел сильный мужчина с длинным посохом в правой руке, а за ним следовали два незнакомца. Это был один из тех профессиональных проводников-гидов, которые говорят точно читают по невидимой книге, и перебивать их вопросами нельзя, потому что они сами едва ли понимают, что говорят. Но незнакомцы слушали внимательно.

На одном из них было длинное пестрое

одеяние, золотые цепи и кольца, на другом же был надет короткий хитон⁵ и через левое плечо перекинута белая римская тога⁶.

Богато одетый спутник был пожилой человек с мясистым безбородым лицом и жидкими седеющими волосами.

Ирена долго с необычайным удивлением смотрела на роскошные ткани его одежд и на украшения, потом она с большим вниманием остановилась на стройной юношеской фигуре его товарища.

«Жирный пудель повара и молодой лев», — прошептала она, глядя на тяжелую поступь одного и на упругую походку и благородные движения другого. В это время проводник успел сообщить римлянину, что здесь находятся кельи благочестивых людей, которые в добровольном заточении посвятили себя служению богу Серапису, а пищу получают через окна. В это же

⁵ Хитон (*греч.* chiton, от *дреевевр.* ketonet — длинная рубаха) — женская или мужская одежда из льняного полотна или шерстяной материи, доходящая до колен (короткий хитон) или до ступней (длинный хитон), с поясом вокруг бедер. Длинные хитоны носили обычно женщины.

⁶ Тога (*лат.* toga — покрывало) — мужская верхняя накидка из белой шерсти, предположительно этрусского происхождения.

мгновение окно распахнулось с такой силой, как будто его рванул сильный порыв ветра. Так же внезапно высунулась из окна свирепая, с гривой седых волос голова и закричала во все горло проводнику:

— Если бы мой ставень был твоей спиной, дерзкий, тогда твоя длинная палка попала бы куда следует! Или, если бы вместо языка у меня во рту была дубина, так я бы до тех пор двигал ею, пока не устал, как один из болтунов, который в продолжение трех часов перед народом вымолачивал пустую солому. Едва взойдет солнце, как этот блюдолиз тащит к нам любопытный сброд. Уж лучше буди нас в полночь и бросай камнями в эти старые доски! Мой последний привет успокоил тебя на три недели. Надеюсь, теперь это будет на более долгий срок. И вы, господа, слушайте меня! Как вороны летят за войском, чтобы пожирать трупы убитых, так вот и он стережет чужестранцев, чтобы опустошить их карманы. А ты, что называешь себя толмачом, когда ты выучился греческому, ты забыл египетский, но запомни следующее: если ведешь чужеземца, то веди его к сфинксу или в храм Пта-Аписа⁷ вызнать будущее

⁷ Пта (Птах) — в египетской мифологии бог города Мемфиса; изображался в виде человека в одеянии, плотно облегающем и закрывающем его целиком, кроме кистей рук.

или веди его в убежище царя в Александрии или в винную лавку Каноп⁸, но не к нам, потому что мы не фазаны, и не флейтистки, и не диковинные звери, которым поневоле приходится терпеть, пока на них глазают. Вы, господа, должны выбрать себе лучшего провожатого, чем эта жестяная побрякушка, которая тогда только и бренчит, когда ее трясут. Что собственно касается лично вас, то я только одно скажу: любопытные глаза — несносные гости, перед которыми разумный хозяин запирает дверь.

Опять испугалась Ирена и прижалась еще крепче к скрывавшим ее столбам. С шумом захлопнулся ставень, который потянул затворник за привязанную к нему веревку, но дряхлые крючки не выдержали толчка, и ставень стал медленно падать.

Сердитый крикун протянул руки, чтобы поддержать и поднять его, но ставень был тяжел, и едва ли бы это ему удалось, если бы молодой

Пта — демиург (творец), создавший мир и все в нем сущее «языком и сердцем», задумав творение в своем сердце и назвав задуманное языком. Священным животным бога Пта является Апис — бог плодородия в образе быка. Почитание Аписа возникло в глубокой древности, центром его культа был Мемфис. Апис считался ба (душой) Пта, а также бога солнца Ра.

⁸ Каноп — роскошный курорт в 20 км от Александрии. Славился своими увеселительными заведениями.

римлянин не пришел к нему на помощь. Легко, без всяких усилий, точно ставень был сделан не из тяжелых толстых тесин, а из ивовых прутьев, он рукой и плечом поднял его на прежнюю высоту.

— Еще немного выше! — крикнул ему старик. — Поставь под более острым углом! Подвинь еще немного! Если сегодня ночью посетят меня летучие мыши, я вспомню о вас и передам от вас им поклон!

— Ты лучше сделаешь, если избавишь себя от этого труда, — возразил юноша холодно и важно. — Я пришлю тебе плотника, чтобы снова прикрепил ставень. Просим у тебя извинения за вред, причиненный нами.

Старик выслушал юношу и, смерив его глазами с головы до ног, сказал:

— Ты здраво рассуждаешь и мог бы мне понравиться, если бы находился в другой компании. Плотника твоего мне не надо, пришли только молоток, топор и хороших гвоздей. Если можете мне оказать эту услугу, то отправляйтесь!

— Мы уже уходим, — сказал пестро одетый мужчина женским высоким голосом. — Что же еще остается благоразумному человеку, как не удалиться!

— Убирайся, убирайся, — смеялся старик, — и, если желаешь, прямо в Самофракию, великий Эвлеус; дорогу туда ты еще не забыл, с тех пор как

советовал царю бежать туда с его сокровищами. Если же ты не совсем уверен, что найдешь дорогу один, то возьми с собой этого проводника и переводчика, он тебе покажет ее!

Высокий советник царя Птолемея Филометра, евнух Эвлеус, побледнел при этих словах, бросил на старика яростный взгляд и сделал знак молодому римлянину, но последний не имел никакого желания следовать за ним. Сердитый ворчун ему нравился, может быть, потому уже, что он чувствовал, что сам нравился старику, который в проявлении своих симпатий и антипатий явно не церемонился.

Римлянин, не нуждаясь более в своих спутниках, вежливо обратился к евнуху:

— Прими мою благодарность за твое сопутничество и не отвлекайся долее для меня от твоих важных дел и обязанностей.

Эвлеус поклонился и возразил:

— Я знаю, в чем моя обязанность. Царь доверил мне сопровождать тебя. Позволь мне дожидаться тебя вон под теми акациями.

Когда евнух и проводник направились к зеленой роще, Ирена хотела обратиться к старику со своей просьбой, но римлянин остался у кельи и вступил со стариком в разговор, который она не решалась прервать. Тихо вздохнув, девушка поставила доску с хлебом и финиками на камень и,

скрестив руки, прислонилась к стене, прислушиваясь к разговору.

— Я не грек, — говорил юноша, — и ты заблуждаешься, если думаешь, что я прибыл в Египет и пришел к тебе из любопытства.

— Но кто приходит в храм для молитвы, тот не выбирает себе таких напарников, как Эвлеус или переводчик. Они тоже едва ли теперь призывают благословение на твою голову. Если бы я был даже вором, я бы не выходил с ними на кражу. Что же тебя привело к Серапису?

— Вот уже ты начинаешь выпрашивать?

— Верно! — кивнул старик. — Как честный купец, я принимаю ту же монету, которой плачу. Ты пришел, чтобы тебе растолковали сон, или хочешь поспать в храме, чтобы увидеть призрак?

— Разве я выгляжу таким сонным, — спросил римлянин, — чтобы спустя час после восхода солнца снова захотел спать?

— Весьма возможно, — продолжал громогласно отшельник, — что ты еще не покончил со вчерашним днем и в заключение пиршества тебе вздумалось посетить нас и проспаться у Сераписа!

— До тебя, по-видимому, многое доходит извне, — заметил юноша, — и если бы я тебя встретил на улице, то принял бы скорее за кормчего или строителя, у которого в подчинении много нерадивых работников. По тому, как рассказывают

в Афинах про тебя и тебе подобных, я ожидал найти иное.

— А что же? — засмеялся Серапион. — Предлагая этот вопрос, я рискую опять прослыть любопытным.

— Я бы охотно тебе ответил, но если я скажу тебе правду, то подвергну себя еще большей опасности быть встреченным так же немилостиво, как мой бедный проводник.

— Говори, — сказал старик, — на различные туловища у меня различные одежды, и худшие не для того, кто угощает меня редким судом справедливости. Но прежде чем ты мне дашь отведать горького блюда, назови твое имя.

— Не позвать ли проводника? — спросил молодой римлянин с лукавой улыбкой. — Он мог бы тебе описать меня и рассказать целую историю моего дома. Не прогневайся, меня зовут Публием.

— Такое имя носит из трех твоих соотечественников по крайней мере один.

— Я из рода Корнелиев и даже Сципионов⁹, — сказал юноша, понижая голос, как будто ему не хотелось громко произнести свое знатное имя.

⁹ Сципионы — одна из ветвей рода Корнелиев, к которой принадлежали многие полководцы и крупнейшие государственные деятели.

— Следовательно, ты высокородный, очень знатный господин, — сказал, кланяясь, отшельник. — Я и так это знал: так величаво шествовать в твои годы и быть таким нежным и сильным может только благородный. Так, следовательно, Публий Корнелий?

— Зови меня Сципионом или лучше просто Публием. Тебя зовут Серапион, и теперь я хочу тебе сказать, что ты желаешь знать. Когда мне рассказывали, что здесь, в храме, есть люди, которые добровольно заключают себя в тесные кельи, с тем чтобы никогда их не покидать, и проводят жизнь в размышлениях и объяснениях снов, я думал, что эти люди или больные, или безумцы, или то и другое вместе.

— Так, так, — перебил Серапион, — но об одном ты не подумал. Ну а если за этими стенами есть люди, которые заточены против их воли, и если я принадлежу к таким пленникам? Я у тебя спрашивал о многом, и ты мне на все ответил, ну так узнай тоже, как я попал в эту ужасную клетку и почему я остаюсь в ней.

Я сын благородных родителей. Отец мой был смотрителем житниц этого храма, македонянин родом, мать — египтянка. Произвела она меня на свет не в добрый час, двадцать седьмого Паофимонда, как этот день называется в священных книгах; этот день злосчастный, и ребенка,

родившегося в этот день, должны держать в заточении, иначе он умрет от укуса змеи. Из-за такого несчастного поверья многих моих товарищей по рождению еще раньше заточили в подобные клетки. Отец оставил бы меня на свободе, но мой дядя, составитель гороскопов в храме Пта, имевший большое влияние на мою мать, а также все его друзья нашли еще много дурных предзнаменований для меня; по звездам они прочли много бедствий на моем жизненном пути и уверяли, что боги произнесли это громким голосом. Они до тех пор уговаривали мою мать, пока меня не решили заточить. Мы жили тогда внизу, в Мемфисе. Любящей матери я обязан этим несчастьем, из глубокой любви своей к сыну она принесла мне это горе. Ты вопросительно смотришь на меня? Да, юноша, жизнь покажет, что злейшая ненависть иногда лучше слепой нежности, превысившей всякую меру. Читать и писать и вообще всему, чему учат сына жреца, я выучился, но ни разу, никогда не пытался обучиться терпеливо нести свой жребий.

Когда у меня выросла борода, мне удалось освободиться из заточения и я пустился странствовать по свету. Я был в Риме, Карфагене и Сирии. Наконец мне захотелось опять напиться воды из Нила и я вернулся в Египет. Почему? Потому что иногда бываешь глупцом, для которого

вода и хлеб на родине, хотя и в тюрьме, кажутся вкуснее пирогов и вина на свободе, но в чужой земле. В отчем доме я нашел только мать, отец умер от горя. Перед моим бегством мать была статной красавицей, а когда я вернулся к ней, она была уже совсем увядшей и умирающей старухой. «Страх за тебя погубил ее», — сказал мне врач, и это было для меня самым тяжелым ударом. И когда эта добрая, ласковая женщина лежала на смертном одре и нежно гладила меня, дикого Упрямца, умоляя опять вернуться в заточение, я сдался и поклялся ей терпеливо оставаться в клетке до конца своих дней, потому что я как вода на морозе — меня можно или разломить на части руками, или я останусь холоден и тверд, как кристалл. Мать вскоре после моей клятвы умерла. Я держу свое слово, это ты сам видишь, и ты видишь также, как я переношу свою судьбу.

— Довольно терпеливо, — согласился Публий. — Я бы, наверное, еще неукротимее потрясал своими цепями, чем ты, и поверь мне, что тебе даже полезно неистовствовать так, как недавно.

— Как сладкому вину с Хиоса, — прибавил отшельник, прищелкнув языком, будто только что попробовал благородного напитка. Высунув свою косматую голову из окна, он заметил Ирену и весело крикнул ей: — Что ты там делаешь, дитя?

Ты стоишь, точно поджидаешь счастье, чтобы пожелать ему доброго утра.

Девушка быстро схватила доску, свободной рукой пригладила волосы и, покраснев, приблизилась к мужчинам. Публий с удивлением и восторгом остановил на ней взгляд.

В это время кто-то еще, вышедший из рощи акаций, приблизился к римлянину и, услышав слова Серапиона, громко заговорил, раньше чем совсем подошел к ним:

— Тот человек сказал, что девушка ожидает счастья? Но ты слышишь, Публий, и, конечно, не станешь мне возражать, что она сама приносит счастье везде, где появляется?

Сказавший эти слова был молодой грек, щеголевато одетый. Чтобы подать руку своему другу Публию, он воткнул за ухо гранатовые цветы граната, которые держал в правой руке, и потом обратил к Серапиону красивое заносчивое, словно выточенное лицо, нежное и тонкое, как у девушки. Своей фразой ему хотелось обратить на себя внимание старика.

— С назиданием Платона прекрасно и справедливо поступать, приближаюсь я к тебе! — воскликнул грек и потом продолжал спокойнее: — Правда, ты не нуждаешься в этом напоминании, ты ведь принадлежишь к тем, которые добиваются настоящей, так называемой внутренней свободы;

кто же свободнее того, кто ни в чем не нуждается? Так как нет благороднее свободнейшего из свободных, то прими дань моего уважения и позволь тебе передать поклон Лисия из Коринфа, который охотно, как Александр¹⁰, восхитился бы тобой, египетским Диогеном¹¹, если бы ему дозволено было из отверстия твоего не особенно привлекательного жилища постоянно любоваться образом этой прелестной девушки...

— Довольно, молодой господин! — перебил Серапион быстрый поток слов грека. — Эта девушка принадлежит вашему храму, и кому вздумается говорить с ней так, как с какой-нибудь флейтисткой, тот будет иметь дело со мной, ее защитником. Да, со мной, а твой приятель может засвидетельствовать, что невыгодно связываться с подобными мне... Отойдите, молодые господа, и дайте сказать девушке, что она желает.

Когда Ирена подошла к отшельнику и быстро и тихо рассказала, что она наделала и что теперь ее ждет сестра, Серапион сперва громко рассмеялся, потом, понижая голос, весело поддразнивая ее, как отец любимицу-дочку, сказал:

¹⁰ Имеется в виду Александр III Македонский.

¹¹ Диоген Синопский (ок. 412–323 гг. до н. э.) — философ киник, отличался презрительным отношением к культуре (Диоген в бочке).

— Она съела за двоих и теперь на цыпочках тянется к моему окну, как будто под этими одеждами один только воздух, а не наевшееся по горло смертное дитя. Мы смеемся, а Клеа, бедняжка, голодает?

Ирена не ответила ни слова, но еще выше приподнялась на пальцах, обратила личико к Серапиону, кивнула утвердительно несколько раз своей хорошенькой головкой и посмотрела прямо в глаза старику взглядом, полным лукавства и искренней просьбы.

Отшельник воскликнул:

— Ты хочешь, чтобы я отдал свой завтрак Клеа? Но у меня ничего нет, кроме нескольких финиковых косточек. Да ведь у тебя на дощечке лежит сносный завтрак!

— Это дар старого Фибиса в жертву Серапису, — возразила девушка.

— Гм... Гм... Да, конечно, — бормотал старик. — Если это для бога... Хотя он менее нуждается в нем, чем бедный проголодавшийся смертный.

Потом старик продолжал строго и важно, как учитель, неосторожно проговорившийся в присутствии ученика и желающий загладить свой промах:

— Конечно, нельзя трогать порученных тебе вещей. Сперва бог, потом люди. Если б я знал,

как... Ах, клянусь душой моего отца, Серапис сам шлет нам то, что нам нужно! Эй, благородный Сципион или, как я тебя должен звать, Публий, подойди ко мне и посмотри туда, в ту сторону акаций. Видишь ты там моего любимца, проводника, и хлеб, и жареных курочек, что ваш невольник вынимает из кожаной сумки? Теперь он поставил кружку с вином на ковер, разостланный перед громадными ногами Эвлеуса. Сейчас они позовут вас обедать, а я знаю одного хорошенького голодного ребенка, у которого белая кошка сегодня утром стянула завтрак. Принесите мне полхлеба и куриное крылышко и, если можно, также один гранат или один из персиков, которые вертит теперь в своих жирных пальцах евнух. Впрочем, можно бы было и оба персика, у меня найдется применение для обоих.

— Серапион! — с тихим укором шепнула Ирена и потупилась, но грек воскликнул горячо:

— Больше, гораздо больше я могу тебе принести. Я бегу сейчас...

— Оставайся, — произнес Публий решительно, удерживая его за плечо. — Серапион ко мне обратился с просьбой, и я хочу сам услужить моему другу.

— Ну, так иди! — крикнул грек вслед быстро удаляющемуся Публию. — Ты мне не даешь возможности получить благодарность с

прелестнейших губок в Мемфисе. Смотри, Серапион, как он спешит! Бедный Эвлеус должен встать. Гиппопотам и тот мог бы поучиться у него неуклюжести. Вот это я называю скоро решать дела. Римлянин никогда не спрашивает, он просто берет. Теперь у тебя все, что нужно. Как дойная корова, от которой отняли теленка, смотрит Эвлеус ему вслед. Я бы тоже охотнее сам съел эти персики, чем смотрел, как их уносят. Если б народ на форуме мог видеть это! Публий Корнелий Сципион Назика¹², родной внук великого африканца¹³, как простой невольник, прислуживающий на пиршестве, несет в каждой руке по блюду! Ну, Публий, какую добычу несет Рим-завоеватель домой?

— Сладкие персики и жареного фазана, — засмеялся Корнелий и подал в окно отшельнику два блюда. — Еще останется довольно для тебя, старик!

— Спасибо, большое спасибо! — воскликнул Серапион, подозвал Ирену к себе, дал ей золотистый белый хлеб, половину жаркого, уже разрезанного евнухом на две части, два персика и

¹² Публий Корнелий Сципион Назика Серапион (?-132 гг. до н. э.). В 138 году — римский консул, возглавлял группу сенаторов, убивших в 133 году Тиберия Гракха.

¹³ Имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский (старший) (235–183 гг. до н. э.).

тихо прошептал:

— За остальным, когда те уйдут, сама Клеа может прийти ко мне. Теперь благодари доброго господина и уходи!

Одно мгновение девушка стояла смущенная и безмолвная перед римлянином. Краска стыда залила ее лицо до нижней губки с маленькими сверкающими зубками, и она боялась встретиться со строгим взором черных глаз незнакомца. Потом собралась с духом и сказала:

— Ты очень добр. Я не умею быть красноречивой, но сердечно тебя благодарю.

— Твоя сердечная благодарность, — ответил Публий, — украшает мне это великолепное утро. Я бы желал на память о тебе взять одну из фиалок в твоих волосах.

— Возьми все! — вскричала Ирена, быстро высвободила букетик из волос и протянула его римлянину, но раньше, чем тот успел взять цветы, она отвела руку и с важной миной добавила: — Царица держала их в своих руках! Моя сестра Клеа получила их вчера во время процессии.

При этих словах лицо Публия приняло строгое выражение, и коротко и резко он спросил:

— У твоей сестры черные волосы, она выше тебя, и в процессии на голове у нее был золотой венок? Она подарила тебе эти цветы? Так ведь? Ну, так этот букетик она получила от меня. Хотя она

его и взяла, но, по-видимому, он ей не очень понравился. Что ценят, того не отдают, и потому его можно бросить!

При этом Публий перебросил цветы за дом и продолжал уже ласковее:

— Ты, дитя, будешь вознаграждена за потерянное украшение. Лисий, дай мне твои гранатовые цветы!

— Ну, нет, — отвечал тот. — Ты хотел сам услужить твоему другу Серапиону и не позволил мне принести персики. Теперь я желаю собственными руками поднести цветы прекрасной Ирене.

— Прими их от него, — сказал Публий и гордо повернулся спиной к девушке, а Лисий положил гранатовые цветы на дощечку в руках Ирены. Испуганная резким обращением римлянина, девушка робко поклонилась и быстро направилась к дому.

Публий задумчиво смотрел ей вслед. Лисий ему крикнул:

— Что же это такое? Или сегодня веселый Эрос¹⁴ заблудился в мрачном храме Сераписа?

¹⁴ Эрос (Эрот) — бог любви, изображался крылатым стрелком из лука. Цербер (Кербер) — в греческой мифологии пес, страж айда (царства мертвых) чудовище с тремя (иногда с пятью и даже ста) головами, увитыми зияями.

— Это было бы нехорошо, — прервал его отшельник, — потому что Цербер у ног вашего бога быстро бы оборвал крылья ветреному юноше.

Старик многозначительно посмотрел на молодого грека.

Если он даст схватить себя трехголовому чудовищу, — засмеялся Лисий. — Пойдем же, Публий. Эвлеус слишком давно нас ждет.

— Ступай к нему, — отвечал римлянин. — Я скоро приду, мне еще надо сказать несколько слов Серапиону.

С уходом Ирены старик все свое внимание обратил в сторону акаций, где все еще завтракал евнух. Когда Публий его окликнул, отшельник заговорил, негодуяще потрясая своей косматой головой:

— Твои глаза видят не хуже моих. Посмотри, как этот человек двигает челюстями и причмокивает губами. Здесь, возле храма Сераписа, можно узнать образ мыслей человека, наблюдая его во время еды. Ты знаешь, что не по доброй воле сижу я в этой клетке, но только за одно я ей благодарен — от меня далеко то, что какой-нибудь Эвлеус называет наслаждением.

— Ты гораздо больше философ, чем хочешь казаться, — заметил Публий.

— Я не хочу никем казаться, — возразил старик, — мне все равно, что другой обо мне

подумает. Но человек, не имеющий никакого дела, чей покой редко нарушается, на многое вырабатывает свое собственное воззрение. Если такой человек называется философом, то зови меня так, если хочешь. Когда тебе будет нужен какой-нибудь совет, приходи опять ко мне; ты мне очень нравишься, и, может быть, ты даже можешь мне оказать огромную услугу.

— Скажи только, — прервал его римлянин. — От всего сердца я желал бы быть тебе полезным.

— Не теперь, — тихо сказал Серапион, — но приходи опять, когда у тебя будет свободное время, только, конечно, без твоих сегодняшних спутников, во всяком случае без Эвлеуса: из всех мошенников, когда-либо виденных мной, этот — самый худший. Впрочем, я сегодня же тебе скажу, что дело идет не обо мне — чего я мог бы себе желать? — а о счастья и несчастья носительниц кружек — ты их видел обеих, и они нуждаются в защите.

— Не ради тебя я сюда пришел, а ради старшей — Клеа, — откровенно сознался юноша. — В ее походке и глазах есть что-то такое, что другого удержало бы на почтительном расстоянии, а меня влечет. Как попала эта величавая женщина в ваш храм?

— Если ты опять придешь, я расскажу тебе историю сестер и чем они обязаны этому Эвлеусу. Теперь ступай, и знай, что этих девушек здесь

хорошо охраняют; это я говорю не на твой счет, а относительно грека — он ловкий молодчик. Когда ты узнаешь, кто они, ты охотно придешь им на помощь.

— Я и теперь это сделаю с искренней радостью, — ответил Публий, прощаясь с отшельником, и затем обратился к Эвлеусу: — Чудесное утро!

— Оно было бы для меня еще прекраснее, если бы ты так долго не лишал меня твоего общества, — ответил евнух.

— Это значит, — вставил римлянин, — что я заговорился дольше, чем ты находишь это благоразумным.

— Ты поступаешь по обыкновению твоих соплеменников, — отвечал евнух, низко кланяясь, — они даже царей заставляли ждать в передней.

— Но ты не носишь короны, а старый царедворец ведь умеет терпеливо ждать...

— Коль скоро приказывает царь, — перебил Эвлеус, — седеющий царедворец молчит, если юношам нравится не оказывать ему внимания.

— Это относится к нам обоим, — обратился Публий к Лисию. — Теперь отвечай ты, я уже довольно наслушался и наговорился.

III

Как ноги Ирены не переносили жестких ремней, так и душа ее была в высшей степени чувствительна к резкому слову.

Поэтому речи римлянина и его поведение несказанно ее огорчили. С опущенной головой, со слезами на глазах шла она домой, как вдруг взгляд ее упал на персики и на жаркое.

Она вспомнила о сестре и о том, с каким удовольствием бедняжка будет есть вкусные яства. Ротик ее опять улыбался, радость засветилась в глазах, и ускоренным шагом она быстро направилась к дому.

Что Клеа непременно спросит про фиалки и что римлянин к ней отнесся с большим вниманием, чем всякий другой снисходительный незнакомец, ей не пришло на ум.

Кроме сестры, у нее не было подруги, а по окончании работ, когда другие девушки, полные ожидания и страха, говорят в радостях и страданиях любви, они обыкновенно возвращались домой такими усталыми, что сон был для них самым желанным отдохновением. Когда же выдавались свободные часы, то Клеа всегда рассказывала ей о родительском доме. Ирена живо интересовалась этими рассказами, перебивала сестру расспросами и даже напоминала некоторые события и факты

детства, которые, как ей казалось, она запомнила, но в действительности слышала раньше от сестры и нарисовала в своем пылком воображении.

Клеа не заметила долгого отсутствия Ирены; обессиленная голодом и усталостью, она скоро заснула.

Горькое выражение сошло с ее лица, румянец вернулся на побледневшие щеки, на полуоткрытых губах проскользнула улыбка.

Эта красавица была рождена не для одиночества и отречения, а для всех радостей жизни и любви, которых теперь она была лишена.

В комнате сестер было душно и тихо.

Слышно было жужжание мухи, кружившейся над пустой чашкой, и неровное дыхание спящей.

На лице спавшей румянец становился все ярче, губы открылись, словно для поцелуя; вот поднялись руки, и сквозь сон, как бы удерживая кого-то, она нежно заговорила:

— Нет, нет, прошу тебя, мой милый... — Но поднятые руки упали на сундук, на котором сидела Клеа, и она проснулась. С блаженной улыбкой на устах медленно полуоткрыла она глаза, но, по мере того как приходила в себя, глаза ее открывались все шире и с ужасом глядели в пространство, как на что-то необычайное. Так просидела она некоторое время без движения, потом провела рукой по лбу и глазам и, вздрогнув, прерывисто прошептала,

стиснув зубы:

— Что со мной? Откуда такие мысли? Какие злые духи заставляют нас во сне делать такие вещи и чувствовать то, что наяву мы должны гнать далеко от сердца и ума? Я должна презирать свою слабость и ненавидеть тот образ, а я позволила ему меня обнять и не только не чувствовала негодования, а напротив, невыразимо сладкое чувство проникло мне в душу.

Она крепко стиснула ладони и, уронив руки на колени, заговорила, качая головой, другим, более нежным тоном:

— Конечно, это был только сон и... вечные боги... если мы спим... что же из этого? Так должно ведь случиться! К нечистым помыслам я прибавляю еще неправду про себя! Нет, не злой дух послал мне этот сон, это было только олицетворение того, что я чувствовала вчера, третьего дня и раньше, когда этот знатный чужеземец смотрел мне в глаза властным взглядом и когда он мне протянул фиалки. Разве я тогда отвернулась от него, разве ответила на его смелость негодующим взглядом? Разве я не могла взглядом же прогнать врага? Прежде это мне всегда удавалось, если мужчина нас преследовал, а вчера я не смогла. Чего хочет от меня чужестранец? Чего требует его повелительный взор, преследующий меня всюду, куда бы я ни повернулась, и даже во

сне не дающий мне покоя? Зачем я смотрела на него? Яд горит в сердце моем, но я разрушу все и, когда вернется Ирена, разорву фиалки или отдам их ей. Пусть она их потом выбросит. Я хочу остаться чистой, даже во сне; что же мне еще остается, кроме чистоты?

Грустные размышления ее были прерваны Иреной. Звук голоса сестры успокоительно подействовал на молодую девушку и согнал горькое выражение с ее прекрасного лица. Глубоко вздохнув, Клеа прошептала:

— Пока она со мной и я слышу ее голос, я еще не совсем несчастна.

Передав по дороге скромный дар отшельника Фибиса одному из прислужников храма, Ирена вошла в дом и, скрыв за спиной доску с подарком римлянина, закричала сестре с порога:

— Отгадай, что я тебе принесла?

— Хлеб и финики от Серапиона, — отвечала Клеа.

— О нет! — закричала Ирена, подавая сестре тарелку. — Лучшие лакомства царей и богов. Потрогай только этот персик, он точно щечки маленького Фило! Если я всегда буду приносить тебе такие блюда, то ты должна желать, чтобы каждое утро я съедала твой завтрак. А знаешь ты, кто это все подарил нам? Нет, этого тебе ни за что не отгадать! Это мне дал знатный римлянин, тот

самый, от которого вчера ты получила фиалки.

Клеа вспыхнула и строго и коротко спросила:

— Ты почему это знаешь?

— Он мне сам сказал, — проговорила Ирена изменившимся голосом. Глаза сестры прямо смотрели на нее с непривычным ей строгим выражением.

— Где же фиалки? — продолжала Клеа.

— Он взял их, а его друг дал мне эти гранатовые цветы, — лепетала Ирена. — Римлянин сам мне хотел их дать, но грек, красивый веселый юноша, не позволил этого и положил мне цветы на доску. Возьми их, но только не смотри так на меня, я не могу этого переносить.

— Мне их не надо, — с горечью проговорила Клеа; потом, опустив глаза, тихо спросила:

— Фиалки римлянин оставил у себя?

— Оставил... нет, Клеа, нет, я не хочу тебя обманывать! Он забросил их за дом и при этом говорил такие жестокие слова, что я испугалась и убежала. Я чувствовала уже слезы на глазах. Что у тебя с римлянином? Мне так страшно, так страшно, как бывает в бурю, которой я так боюсь. Как побледнели твои губы! Это от долгого голода. Ешь скорей! Ах, Клеа, зачем смотришь ты так на меня, так мрачно и обреченно? Я не могу вынести этого взгляда, я не могу!

Ирена громко зарыдала, сестра подошла к ней,

погладила ее мягкие волосы, поцеловала и ласково сказала:

— Я не сержусь на тебя, дитя, и не хочу тебя огорчать. Если бы я могла плакать, как ты, когда черные тучи облегают Мое сердце, тогда скоро бы показалось ясное солнце, как у тебя.

Теперь осуши твои слезы, иди в храм и спроси, когда мы должны идти на спевку и когда начнется церемония.

Ирена покорно, с опущенной головой вышла на воздух, но глаза ее опять засверкали, когда она подумала о церемонии, и ей пришло в голову, что, вероятно, она там увидит веселого друга римлянина. Она вернулась, поставила цветы в чашечку, из которой утром вынула фиалки, весело кивнула сестре и пошла в храм, размышляя по дороге, как лучше приколоть цветы для процессии, на голову или на грудь? Во всяком случае она должна их надеть, чтобы показать, что умеет ценить подобный подарок.

Оставшись одна, Клеа схватила тарелку с фазаном и отдала его кошке, отвернув лицо; запах жаркого пробуждал в ней обидные воспоминания.

Потом она взяла персик и подняла уже руку, чтобы бросить его в отверстие в крыше, но, вспомнив, что Ирена и маленький Фило, сын привратника, будут очень рады полакомиться, положила его обратно на тарелку и взялась за хлеб.

Голод ее страшно мучил.

Она уже хотела разломить золотистый хлебец, но тоже бросила его обратно на тарелку и пробормотала:

— За это тоже мне нечего его благодарить, но я не выброшу дара божьего, как он мои фиалки, потому что это грех! Хлеб насыщает голодного, и за это добро, вероятно, боги ему воздадут. Но между мной и им все кончено, и если он явится сегодня на процессию и опять будет смотреть на меня, я сумею заставить себя избежать его взоров. Я так хочу и так будет! Вечные боги и ты, великий Серапис, помогите мне, без вашей помощи мне не забыть его! Помогите мне остаться чистой в моих помыслах!

Она бросилась на землю возле сундука, прижалась пылающим лбом к жесткому дереву и пробовала молиться.

Только об одном просила она богов: дать ей силы забыть человека, похитившего ее душевный покой.

Как быстрые облака, проносясь по небу, застилают жрецу наблюдаемое им светило, как шум улицы заглушает священную песню, так перед глазами бедной девушки носился образ того мужчины, от власти которого она тщетно хотела освободиться, обращаясь к богам. Она была похожа на человека, собравшего все свои силы, чтобы

поднять огромный камень, и упавшего под его тяжестью. И вот он лежит, и нет у него силы сбросить непосильное бремя. И напрасно старалась Клеа прогнать образ своего врага. Незримо, но властно, он вторгнулся в ее душу.

Она перестала бороться с собой, поднялась с земли, умыла холодной водой пылающее лицо и подтянула ремни сандалий; в храме, в священной близости богов, она надеялась найти поддержку и утешение.

В дверях она столкнулась с Иреной, которая ей сообщила, что из-за шествия, назначенного сегодня на четыре часа дня, занятия пением отложены.

Клеа направилась к храму, а Ирена сказала ей вслед:

— Возвращайся скорей; скоро надо будет носить воду для жертвоприношений.

— Иди одна на работу, — попросила Клеа, — теперь понадобится немного воды, потому что храм скоро опустеет по случаю процессии. Достаточно нескольких кувшинов. Дома я оставила для тебя хлебец и один персик, другой я отдам маленькому Фило.

IV

Не слушая возражений Ирены, Клеа быстро

шла к храму.

Она не обратила внимания ни на богомольцев, которые стояли в притворе, низко склонившись или высоко подняв руки, ни на египтян, стоявших на коленях на каменных плитах.

Клеа вступила в большой зал святилища, в который могли входить только посвященные и, как она, служившие при храме.

Кругом, словно стебли гигантских лилий, гордо возвышались стройные колонны, увенчанные выточенными из камня цветами. На каменном своде, изображавшем небо, блистали золотые созвездия, планеты и неподвижные звезды. Они мерцали с высоты величавых сводов.

Да, здесь было сумрачно и достаточно тихо для общения с божеством.

Обступившие девушку колонны казались ей колоссальными растениями; фимиам, голубыми струйками вившийся из чашечек цветов на капителях, опьянял девушку и возбуждал ее обострившиеся от голода и волнения чувства.

С поднятыми к небу глазами, со скрещенными руками прошла она через зал и нерешительными шагами приблизилась к другому, маленькому и низкому помещению, на заднем плане которого тяжелый драгоценный занавес скрывал бронзовые двери главного святилища.

Клеа не имела права приближаться к этому

святому месту, но сегодня она была исполнена такого страстного желания искать помощи у богов, что на этот раз нарушила запрет.

Полная набожного страха, она упала возле дверей главного святилища и прижалась лицом к дверному столбу.

Непреодолимое желание найти силы, управляющие течением нашей жизни, свойственно каждому народу, каждому человеку. Оно так же укоренилось в нас, как стремление видеть свет и слышать звуки. Врожденная способность к религиозному чувству, подобно другим склонностям, не у всех одинакова. В Клеа религиозное чувство было очень сильно развито набожной матерью, отец же учил ее постоянно быть правдивой и неумолимо справедливой как по отношению к другим, так и к самой себе.

Позднее она ежедневно прислуживала в храме божества, которого она привыкла считать за величайшего и могущественнейшего из всех небожителей. Часто она видела издали, когда занавес дверей главного святилища сдвигался в сторону, тонувшее в полумраке изображение Сераписа с Цербером у ног. Внезапно луч света врывается во мрак и яркой полосой скользил по челу бога, пока жрецы прославляли его милосердие.

Иногда случалось, что стоявшие у подножия божества светильники сами зажигались и внезапно

гасли.

Вместе с другими набожными людьми Клеа чтит великого властителя, который вместо каждого угасшего солнца творит новое и вызывает новую жизнь из смерти, поднимает до себя возрожденного мертвеца, если он служил правде на земле и на загробном суде не был осужден.

Правду, которой учил ее отец, как высший идеал жизни Серапис предпочитает всем добродетелям. Клеа так часто представляла себе этого бога в человеческом виде, что малопомалу его образ в ее воображении принял серьезные, но мягкие черты ее отца. По временам ей казалось, что она слышит голос отца, оторванного от нее и теперь тяжело страдающего за свою справедливость, но никогда не сказавшего ей ни одного слова, которое бы не было достойно самого божества.

Тесно прижавшись к столбу в темном углу святилища, Клеа чувствовала около себя близость отца и беспощадно обвиняла себя за то, что позволила нечистым желаниям проникнуть в сердце, что она была не искренна с собой и сестрой. Если ей не удастся вырвать из сердца образ римлянина, она принуждена будет или обманывать Ирену, или смутить беззаботный покой простодушного, впечатлительного ребенка, которому она заменила мать.

Насколько глубоко воспринимала Клеа даже

мелочи, настолько же легко Ирена относилась ко всему трудному и серьезному. Клеа была подобна сырой глине, на которой даже мотылек оставляет свой след. Ирена была зеркалом, на котором быстро исчезает след, оставляемый дыханием.

— Великий боже, — шептала Клеа, — огненными чертами запечатлел римлянин образ свой в моей душе. Помоги мне стереть его, помоги мне стать непорочной, как прежде, чтобы снова могла я правдиво и без притворства смотреть в глаза Ирене, чтобы опять я могла говорить все, что думаю, и поступать так, как желал бы мой отец.

Так молилась она, как вдруг шаги и голоса двух мужчин, приближавшихся к главному святилищу, прервали ее молитву.

Мысль, что она находится в запрещенном месте, что ее строго накажут, если обнаружат в этом убежище, проникла в сознание девушки.

— Замкни ту дверь, — прошептал один из вошедших своему спутнику и указал на двери, ведущие из зала с колоннами в соседнее помещение, — из посвященных тоже никто не должен знать, что ты для нас тут готовишь.

Клеа узнала голос главного жреца и думала выступить вперед и сознаться в своей проступке, но не сделала этого, хотя и не боялась наказания, а еще глубже забилась в свой угол. Двери закрылись, и в зале наступила полная темнота.

Теперь она слышала, как открыли завесу и двери, замыкавшие святилище, как сверлили что-то буравом, раздавались удары молота и визжание напильника. В святилище мерцал слабый свет.

Тихое святилище обратилось в кузнечную мастерскую, но молодой девушке казалось, что стук ее сердца заглушал гром бронзовых орудий Кратеса, старейшего из жрецов Сераписа. Он заведовал священной утварью, имел дело только с верховным жрецом и славился искусством между соотечественниками-греками исправлять металлическую посуду, делать крепкие замки и сплавлять золото с серебром.

Пять лет тому назад, когда сестры пришли в храм, Ирена очень боялась этого широкоплечего человека, ростом с карлика. На лице его было столько складок, что оно походило на пробку, в ногах у него угнездилась какая-то мучительная болезнь, которая часто не позволяла ему ходить. Его забавлял страх Ирены, и всегда, когда он встречал эту девочку, которой в то время не было еще одиннадцати лет, он вытягивал губы к красному носу и страшно хрюкал, чтобы напугать ее еще больше.

Он не был зол, однако у него не было ни жены, ни детей, ни сестер, ни братьев, ни друзей, а каждый из нас так живо желает внушить другому существу хоть какое-нибудь чувство, и многие

предпочтут лучше наводить страх, чем остаться незамеченными.

Кратес считался нелюдимым и самым строгим из всех служителей храма, но Ирена давно уже не боялась его и даже просила иногда Кратеса, со свойственной ей чарующей лаской, сделать опять страшное лицо. Старик смеялся и исполнял ее желание, а она, к обоюдному удовольствию, со страхом убегала. Когда Ирена, повредив себе ногу, не выходила несколько дней из дому, случилось неслыханное дело: Кратес с участием расспрашивал Клеа, что случилось с сестрой, и дал для Ирены пирожок.

За все время, пока Кратес работал, не было произнесено ни одного слова между ним и верховным жрецом. Но вот старик отбросил молот и сказал:

— Я неохотно занимаюсь делами подобного рода, но это мне, кажется, удалось. Теперь всякий прислужник храма, спрятавшись за жертвенником, может зажигать и тушить светильники, так что даже самый большой умник не заподозрит обмана. Стань за дверью большого зала и скажи слово!

Клеа слышала, как верховный жрец заговорил нараспев:

— Повелит он ночи — и она становится днем; прикажет погасшему светильнику — и он ярко горит. Если ты присутствуешь здесь, Серапис,

явись нам!

Яркий луч света вырвался в это мгновение из санкториума и моментально погас, когда верховный жрец запел:

— Так ярким светом озаряешь ты детям своим истину и мраком наказываешь их за ложь.

— Еще раз? — спросил Кратес таким тоном, который ясно говорил, что ему не хотелось повторения.

— Я должен просить тебя только об одном, — отвечал верховный жрец, — чтобы на этот раз игра эта нам удалась лучше, чем раньше. Я всегда был уверен в твоём искусстве, но подумай, о чем теперь идет дело. Оба царя и царица, вероятно, будут присутствовать на торжестве. Филометр и Клеопатра будут во всяком случае, а им трудно отвести глаза. Кроме того, их будет сопровождать римлянин, уже четвертый раз принимающий участие в процессии. Если я верно его понял, он, как и большинство знатных римлян, принадлежит к тем людям, которые больше всего рассчитывают на самих себя. Если нужно, они довольствуются старыми богами их отцов, и все чудеса, которые мы им показываем, они не принимают на веру, а все размеряют и взвешивают своим трезвым умом. Люди такого сорта, которые не стыдятся молиться, не философствуют, а заботятся только о том, чтобы правильно поступать, — самые опасные

противники всего сверхъестественного.

— А естествоиспытатели в Мусейоне? — спросил Кратес. — Они признают только то, что они могут видеть и наблюдать лично.

— Потому-то их так легко провести с помощью твоего искусства, — возразил верховный жрец, здесь они видят действие без причины, а невидимые причины они склонны относить к сверхъестественным. Открой теперь двери, выйдем на воздух через боковую дверцу. Прошу тебя, возмись на этот раз сам помогать Серапису! Подумай, ведь Филометр только тогда утвердит за нами пахотное поле, если покинет храм, глубоко потрясенный величием нашего бога. Можно будет ко дню рождения царя Эвергета, который должен праздноваться в Мемфисе, устроить новое чудо!

— Посмотрим, — отвечал Кратес. — Сперва я должен собрать замок для больших ворот гробниц Аписа; он у меня так давно лежит в мастерской, что всякий может открыть ворота, просунув гвоздь в дырку под задвижкой, и закрыть, толкнув железный болт. Пошли за мной, перед тем как начнут показывать молнии. Несмотря на мои убогие ноги, я приду. Уж раз я взялся за такое дело, надо самому и довести его до конца, но я хотел бы думать, что и без подобных обманов...

— Мы не обманываем, — строго перебил своего помощника верховный жрец, — мы только

показываем близоруким детям земли могущество божества в форме, видимой им и понятной.

С этими словами он повернулся спиной к Кратесу и через боковую дверь покинул зал. Кратес открыл бронзовые двери и, складывая свои инструменты, сказал самому себе так громко, что Клеа ясно слышала из своего убежища:

— Мне все равно, но обман есть обман; только бог может обмануть царя или ребенок — нищего.

«Обман есть обман», — повторила Клеа, выходя из своего угла, после того как кузнец ушел из храма.

Она остановилась в большом зале и осмотрелась вокруг.

В первый раз она заметила вылинявшие краски на стенах, повреждения, которые время наложило на колонны, и стертые плиты пола.

Приторно сладким показался ей запах фимиама. Проходя мимо одного старца, в молитвенном усердии поднявшего руки, она взглянула на него с сожалением.

Пройдя пилоны, замыкавшие собственно святилище, она обернулась и, пораженная, покачала головой. Ни один камень в храме Сераписа не изменился с тех пор, как она час тому назад вошла в него, и тем не менее храм показался ей совсем другим и чуждым, точно ландшафт, который мы

привыкли видеть во всей прелести весны, мы вдруг увидели зимой с обнаженными деревьями.

Когда Клеа услышала слова жреца-кузнеца: «Обман есть обман», она почувствовала острую боль в груди и не могла сдержать слез, наполнивших ее непривычные плакать глаза; когда ее собственные уста повторили жестокий приговор Кратеса, слезы ее высохли и, взволнованная, она смотрела на храм так, как смотрит путешественник, прощающийся со своим любимым другом, потом вздохнула легче, выпрямилась и гордо отвернулась от святилища Сераписа. Но на сердце у нее было тяжело.

У жилища привратника навстречу ей попался ребенок. Подняв ручки, он шел к ней колеблющимися шагами.

Клеа подняла его, нежно целуя, и попросила у жены привратника кусок хлеба. Голод начинал ее сильно мучить. Пока она ела сухой хлеб, ребенок взобрался к ней на колени и большими глазами следил за движениями ее рта и рук.

Это был мальчик лет пяти с такими слабыми ножками, что они едва могли носить его маленькое тело, но с прелестным личиком. Обыкновенно оно казалось безжизненным, но когда маленький Фило завидел молодую девушку, глазки его радостно заблестели.

— Возьми это молоко, — сказала

привратница, подавая Клеа глиняную чашку. — Его очень мало, и я не могла бы тебе его предложить, если бы Фило ел так же, как другие дети. Но он пьет две капли, точно ему больно глотать, съест кусочек и больше ничего не берет, если даже его бьют.

— Но ты его не бьешь больше? — спросила с упреком Клеа и прижала к себе ребенка.

— Мой муж... — отвечала женщина, смущенно перебирая свое платье. — Ребенок родился в хороший день и час, а до сих пор остается слабым и не умеет говорить, и это сердит Пианхи.

— Он опять все испортит! — невольно вскрикнула девушка. — Где он?

— Его позвали в храм.

— Разве вас не радует, что Фило называет его отцом, тебя матерью, а меня зовет по имени и многое уже понимает? — спросила Клеа.

— О, конечно, — согласилась женщина. — Он уже говорит, потому что ты учишь его говорить, и мы тебе очень благодарны.

— Благодарности я не требую, — перебила ее девушка, — я требую, чтобы вы не бранили и не наказывали мальчика, а радовались вместе со мной. Ведь вы сами видите, как мало-помалу просыпается его бедный дремлющий ум. Если все так пойдет и дальше, то милая крошка станет совсем разумным и

понятливым ребенком. Как зовут меня, милый?

— Ке-еа, — ответил малютка и улыбнулся своему другу.

— Ну, теперь попробуй назвать то, что у меня в руках. Что это? Я вижу, что ты знаешь. Как это называется? Скажи мне на ушко. Да, да, верно, мо-мол-молоко, верно, милый, это молоко. Ну, подними свою мордочку и хорошенько повторяй за мной, ну, еще раз, еще опять, когда ты верно скажешь это слово двенадцать раз, я тебя поцелую. Ну, ты заслужил, где тебя целовать? И здесь, и вот здесь. А это что? Твое у...? Твое ухо! Да, верно, а это твой нос!

Взор ребенка становился все яснее и яснее при этом ласковом обучении, и ни маленький ученик, ни Клеа не чувствовали себя утомленными, когда, спустя час, раздавшийся удар по металлу прервал их занятия.

Когда молодая девушка хотела уйти, мальчик с плачем прижался к ней, она взяла его на руки и отнесла к матери, потом поспешила домой, чтобы одеть сестру и одеться самой для процессии. По дороге к пастофориуму она опять думала о сегодняшнем посещении храма и о своей молитве.

«Перед святилищем, — сказала она себе, — мне не удалось освободить свою душу от того, что ее смущало, и удалось тогда, когда я учила говорить бедного ребенка. Значит, боги могут

выбирать для себя святилищем любое непорочное место, а душа ребенка разве не чище жертвенника, перед которым поругана правда?»

На пороге дома ее встретила Ирена. Она уже убрала волосы, украсила их гранатовыми цветами и спросила сестру, как та ее находит.

— Ты похожа на саму Афродиту¹⁵, — сказала та, целуя ее в лоб.

Поправив складки одежды сестры и прикрепив украшения, Клеа начала одеваться сама. Когда она завязывала сандалии, Ирена ее спросила:

— Отчего ты так горько вздыхаешь?

Клеа отвечала:

— Мне кажется, что сегодня во второй раз я лишилась родителей.

V

Церемония кончилась.

После службы в греческом серапеуме, на которой присутствовал Птолемей Филометр, он утвердил за жрецами не целое поле, как они просили, а только небольшую часть.

Когда двор отправился в Мемфис и процессию распустили, сестры возвращались

¹⁵ Афродита — в греческой мифологии богиня красоты, рожденная из морской пены. Мать бога любви Эроса.

домой. Ирена — улыбающаяся, с пылающими щеками, Клеа — с мрачным, почти грозным блеском в глазах.

Не говоря ни слова, подходили они к своему жилищу. В это время храмовый служитель окликнул старшую сестру и потребовал, чтобы она следовала за ним, так как верховный жрец желает с ней говорить.

Молча передала Клеа сестре свой кувшин и последовала за служителем. Ее привели в помещение храма, где хранилась священная утварь. В ожидании жреца Клеа опустила на сиденье.

Мужчины, которые утром заходили в пастофориум, следовали за процессией с царской фамилией.

После того как кончилось торжество, римлянин Публий отделился от своих спутников и быстро пошел, не прощаясь и ни на кого не смотря, к пастофориуму, к келье отшельника Серапиона.

Старик еще издали узнал юношу, твердая и гордая походка которого сильно отличалась от неспешных шагов жрецов Сераписа, и дружески его приветствовал.

Публий, холодно и серьезно его поблагодарив, горько и резко сказал:

— Время мое ограничено. Я скоро собираюсь покинуть Мемфис. Но так как я обещал выслушать твою просьбу, то, чтобы сдержать свое слово, я

пришел к тебе. До твоих девушек, о которых ты мне хочешь говорить, мне нет никакого дела. Я столько же ими интересуюсь, как этими ласточками, пролетающими над домом.

— Однако сегодня утром ради Клеа ты предпринял большую прогулку, — возразил Серапион.

— Чтобы подстрелить зайца, я ходил гораздо дальше, — отвечал римлянин. — Мы, мужчины, преследуем дичь не из-за обладания ею, а потому, что нас увлекает охота, но встречаются также женщины с наклонностями охотника. Вместо копья и стрелы, они посылают пылкие взгляды, а когда они уверены, что попали в цель, оставляют дичь в покое. В таком же роде твоя Клеа, а хорошенькая малютка, приходившая сегодня утром, смотрит так, будто не прочь, чтобы за ней поохотились; мне одинаково не нравится быть ни дичью, ни охотником за девицами. Дела в Мемфисе у меня займут еще три дня, а потом я покину эту нелепую страну навсегда.

— Сегодня утром, — промолвил Серапион, начавший понимать, что возбудило такую неприязнь, сквозившую в словах римлянина, — сегодня утром ты, кажется, так не спешил с отъездом, как сейчас; ты теперь похож на улетающую дичь. Я знаю Клеа лучше, чем ты. Охота не ее дело, тем менее еще позволит она

охотиться за собой, потому что она обладает одним сильно развитым в ней качеством, которое ты, Публий Сципион, предпочитаешь всем другим: она горда, непомерно горда и имеет на это право. Напрасно ты смотришь так презрительно, ты хочешь сказать: чем может гордиться какая-то бедная девушка, исполняющая низшие должности при храме, когда гордиться имеют право только те, которые высоко поднимаются над толпой? Но поверь мне, что эта девушка имеет много причин держать голову высоко, не потому только, что она происходит от свободных и благородных родителей, не потому, что она редкостная красавица и что, будучи еще совсем ребенком, она ухаживала за своей младшей сестрой, как заботливая мать, а особенно потому — и это, насколько я тебя понимаю, ты лучше оценишь, чем другие юноши, — что она, несмотря на свое положение, никогда не забывает, что она свободная и благородная женщина. Клеа горда, потому что она должна быть горда, и когда ты узнаешь, в чем дело, ты не будешь гневаться на молодую девушку за то, что, вероятно, она на тебя приветливо смотрела. Боги тебя так создали, что ты можешь нравиться каждой женщине, но Клеа должна отказаться от твоих исканий, она слишком высоко себя ценит, чтобы допустить играть собой даже одному из Корнелиев, но в то же время она не

может рассчитывать сделаться твоей женой. Что она тебя оскорбила, в этом нет сомнения. Отчего она это сделала? Я думаю, из гордости. Женщина похожа на воина, который тогда надевает латы, когда видит опасного противника.

Последние слова отшельник скорее прошептал, чем проговорил, и замолчал, отирая пот со лба. Всегда, когда что-нибудь его волновало, голос его звучал как труба и ему стоило больших усилий говорить тихо.

Сперва Публий смотрел Серапиону прямо в глаза, но потом, опустив глаза в землю, слушал его, не прерывая, до конца. Краска стыда залила его лицо, как у школьника, но все же он был сильный человек, всегда умевший выходить с достоинством из трудного положения. Во всех своих действиях он твердо знал, чего желает, и неуклонно поступал так, как ему казалось справедливым и полезным.

Слушая речи отшельника, Публий задал себе вопрос, чего, собственно, он желает от девушки, и, не в состоянии четко ответить себе на это, он чувствовал себя неуверенно. Эта неуверенность и недовольство собой возрастали тем сильнее, чем убедительнее казались ему слова отшельника и чем менее в глубине души он был склонен поддаваться своему увлечению. Но против своей воли он думал о ней в продолжение многих дней, и все привлекательнее и желаннее она становилась по

мере того, как говорил старик.

— Может быть, ты прав, — тихо ответил юноша после краткого молчания. — Ты знаешь эту девушку лучше, чем я. Если ты обрисовал ее верно, то самое лучшее, если я настою на своем решении покинуть Египет или, говоря откровенно, убегу от твоей любимицы. Здесь мне предстоит поражение или победа, которая принесет мне позднее раскаяние. Сегодня Клеа так избегала моего взгляда, точно глаза мои были жалом змеи. Я вижу, что у нас с ней нет ничего общего; но я бы желал знать, как она попала в этот храм, и если я могу быть ей полезен, то хочу помочь — ради тебя. Теперь расскажи мне, что ты знаешь и чего ждешь от меня?

Отшельник одобрительно кивнул Публию и сделал ему знак подойти ближе, и, почти касаясь губами уха наклонившегося римлянина, он тихо спросил:

— Царица относится к тебе благосклонно?

Получив утвердительный ответ и выразив свое удовольствие одобрительным восклицанием, Серапион начал свой рассказ:

— Сегодня утром я тебе сообщил, каким образом я попал в эту клетку и что мой отец был заведующим житницами храма. В то время, когда я был на чужбине, отец был отрешен от должности и умер бы в тюрьме, если бы один смелый человек не

помог ему спасти честь и свободу. Все это к делу не относится, но этот человек был отцом Клеа и Ирены; враг же, через которого должен был пострадать невинный, был этот разбойник Эвлеус. Ты знаешь или, вероятно, не знаешь того, что жрецы несут перед царем известные повинности. Ты знаешь это? Теперь, конечно, вы, римляне, больше интересуетесь делами правления и суда, чем развитием искусств и мысли. Моему отцу надлежало выплачивать эти подати, а евноху их принимать, но откормленный безбородый хорек-обжора проглотил половину доставленного, и когда счетчики заметили, что в сокровищнице царя пусто и нет ни тканей, ни зерен, они подняли шум, который, конечно, раньше дошел до ушей вора, живущего при дворе, чем достиг слуха моего бедного отца. Ты назвал Египет страной чудес или как-то в этом роде, это тоже верно, не ради только этих пшеничных пирогов, которые вы называете пирамидами, потому что здесь могут происходить вещи, которые у вас в Риме так же немыслимы, как лунный свет в полдень или конь с хвостом на носу! Ранее, чем пришла жалоба на Эвлеуса, он обвинил моего отца в растрате, и раньше, чем эпистат¹⁶ округа и заседатели просмотрели акты, решение

¹⁶ Эпистат — в птолемеевском Египте царский чиновник, осуществляющий контроль за имуществом храмов.

над неправильно обвиненным было уже составлено; евнух купил их приговор так же, как покупают рыбу или кочан капусты на базаре.

В древние времена богиню справедливости изображали с закрытыми глазами, а теперь она смотрит на мир, как косая: одним глазом на царя, другим — на золото в руках истца или обвиненного. Естественно, что мой несчастный отец был осужден, и в тюрьме он уже отчаялся в справедливости богов, когда вдруг случилось великое чудо, что иногда бывает в диковинной стране, с тех пор как греки господствуют в Александрии. Один честный человек не убоился, взял на себя проигранное дело бедного осужденного и не успокоился до тех пор, пока не выиграл процесса и не вернул отцу чести и свободы. Но заключение, стыд, обида подточили силы оскорбленного человека, как древесный червь точит ствол кедра, и отец зачах и умер.

Его спасителю, отцу Клеа, в награду за его смелый поступок пришлось еще хуже, чем моему отцу, потому что у нас на Ниле добродетель так же преследуется, как у вас порок. Где царствует несправедливость, там происходят ужасные вещи. Можно подумать, что боги переходят на сторону злых. Кого не страшит наказание в вечности, если он не глупец и не философ, что почти одно и то же, тот избегает праведной жизни.